

Михаил
Камалеев

Кот, читающий Канта,
не одобрит твой выбор музыки
для вечеринки,
на которую никто не придёт

Завалились в архивах 4 рассказа, написанные в
разное время:

- надменно-ироничный «Ямки»,
- шизофренический «Одно важное дело...»,
- инфантильный и бессмысленный «Два дня до
апреля»,
- по-сериальному приторный и мелодраматичный
«Два А».

Я их перечитал и внезапно понял, что они
странным образом объединены одной темой. Все
герои по-своему, каждый по-разному, очень
одиноким. Вполне получается такой сборник про
одинокость.

Хотел написать «чего ж добру пропадать», но
«добро» тут слово неуместное. Типичные b-sides,
мусорный побочный продукт, набор слов из серии
«неопубликованное», спам, без сожаления летящий
в мусор.

И пусть мне за это будет стыдно, но... Встречайте
новое внеплановое издание с длиннющим
названием. Бесплатно, без регистрации и смс!

ЯМКИ

«Такие вот, знаешь, бывают странные следы на снегу, когда сначала подтаает, потом снова заморозит и сверху корка ледяная, а внутри всё такое рассыпчатое и даже сухое, как будто утром, в лесу, возле палатки руками по локоть в гору остывшего мягкого пепла после костра залез. И вот на таком снегу, где-нибудь в очень нелепом месте [на клумбе в дальнем углу школьного двора, куда и летом-то даже кошки ленятся заходить] – одинокий след. И непонятно совершенно – то ли правая нога отпечаталась, то ли левая, а то ли вообще косенький мальчишка промахнулся, подло кидая вместо честно слеппленного снежка ледяную глыбу, которую по утру сам же и допинал досюда через два квартала, виртуозно отобрав у растяпы-дворника.

И вот мы все как будто в таких ямках и живем.

Обустроиваем там что-то, налаживаем, улучшаем, оптимизируем, гостей приглашаем, хвастаемся, гордимся чем-то, а сами внутренне трясемся, как бы гость ненароком под кровать не заглянул, ведь туда весь хлам, который стыдно показывать, свален. И, собственно, не зря боимся. Сами же каждый раз в гостях в чужой ямке то и дело норовим то занавеску отодвинуть, то в шкаф заглянуть, а то и ковер приподнять – чрезвычайно интересно, что же соседи прячут, чем на самом деле живут, какие грешки напоказ не выставляют.

А потом – бац! – и весна вдруг. Как всегда, никто не ждал, хотя все по календарю каждый день сверяются: когда ж уже тепло да солнышко? И тает снег вокруг твоей ямки, оседает, чернеет, проваливается. А тебе только и остается, что новое жилище обустроить. То ли прямо на той же клумбе, где еще вчера гора снега лежала, а то ли и в другое место перебираться.

А главное, что сидишь вроде всю жизнь в одной квартире, и уже второй десяток лет задумываешь ковер со стены снять, и провод телефонный, который третий год никак прибить к стене не можешь, привык машинально простым движением плеча огибать, даже если с двумя полными тарелками и бутылкой пива подмышкой к телевизору спешишь... Уже столько лет в одной и той же квартире, а ямки каждый год разные. То влюбишься, то разведешься, то ногу сломаешь, то с работы уволят...»

Игорь Андреевич [и никак иначе: сорок седьмой год, как-никак, в погранвойсках служил и образование почти высшее – три с половиной года на библиотекаря учился, да и старожил в этом районе, считай, что коренной – двух лет ему не было, как родители здесь квартиру получили], несколько раз за день проходя привычным маршрутом, развлекал себя тем, что мысленно рассказывал кому-то невидимому, но хорошо знакомому, истории. Маршрут не самый близкий – минут пятнадцать в одну сторону, так что, если идти не торопясь, неплохие рассказы успевали сложиться. Записать бы, да в журнал какой в Москву отправить [интересно, «Новый мир» еще издают?] или вон, в областной газете, может, пропечатали бы. Смущенно-лукавой ухмылочкой Игорь Андреевич гнал эти тщеславные мысли прочь – не до глупостей, поважнее дела найдутся.

Ну вот и дошел почти. Сейчас здесь обогнуть эту вечную лужу, да в грязи не заляпаться – сандалии новехонькие, две недели как купил, жалко! Аномальный природный катаклизм эта лужа: круглый год в одном месте, даже небольшой морозец её не берет, только если уж совсем большой минус, то застывает она, топорщится ледяными волнами.

- Привет, Настя!

- Что-то ты, Андреич, разогнался сегодня. Третий раз уж возвращаешься. Не перетрудись!

Хамоватая девица, но уж больно хороша внешностью, да и не дура, судя по всему. Жалко, если, как и все, не продержится долго. Директор у них самодур, конечно. Не успевает Игорь Андреевич к одному лицу привыкнуть, как уже новая молодуха появляется. Ужасная текучка кадров у них здесь.

- С чем пожаловал?

- Давай мне полторашку вот этой вот лимонной и две «Охоты» крепкой. Сигареты есть пока, не надо.

- Бери уж сразу побольше, опять же часа через два припылишь!

Игорь Андреевич молча дождался три рубля сдачи и с достоинством пошел прочь. Ну вот как ей объяснить, молодой да неразумной, что лишь в бесконечном пути мыслящий человек постигает то, чего нельзя понять, бессмысленно сидя на месте?

«Так вот. Ямки эти в сугробах - это, знаешь ли, не банальная метафора, здесь глубокая аналогия с классической уже антиутопией...»

ОДНО ВАЖНОЕ ДЕЛО КАЖДУЮ ЗИМУ

Jyf vyt cfh

Т.е., она мне сразу сказала:

- Не пиши!

- Почему? – ответил я, так всегда отвечают в начале пошлых романов.

- Просто потому что это не стоит того, чтобы записывать.

Я лежу голый на кровати, у меня в руке торчит шприц. Ок. Я не могу записывать.

Смотрели когда-нибудь фильм что-то там жертвой? Вот я – это он, но другой. У меня в правой руке шприц.

- Я жду тебя!

Она всегда очень куртуазна. Этому слову меня научила тоже она. Или мама. Я забыл.

Из дома выходить легко. Главное – не разбудить маму.

Отец вечно храпит.

Шаг за белую, шаг за серую. Перепрыгивать нельзя. Шаг за шагом. До стены и направо.

А потом струйки и можно бежать до двери.

Дверь всегда хлопает громко. Просыпается отец. Топают.

Ссыт. Возвращается.

- Никуда он не сбежал! Спи!

Она ждёт. Она никогда не врала.
Я стою, в руке шприц. Она смотрит.

Смотрит.

- Видела и больше, - говорит.

Конечно. Тут холодно, а я в мамкиных тапках и голый.

Видела она.

Когда Михална приходит – она не видела. А тут видела.

- Дай курить!

- Тебе не надо. И так вон пипка меньше таракана.

Сука. Я убью тебя!

- И куда мы сегодня?

- Портить лыжню.

Идём, топаем, простынь подворачивает ноги, холодно.

Смотрю вниз. Она права – не на что смотреть.

Она всегда права.

- Это же сугроб!

- Скоро будет лыжня.

- Снова ногами сучит.

- Ткни!

- Бормочет.

- Мне встать?

- Спи!

- Почему нельзя снова на карусель?
- Новая зима.
- И что теперь?
- Мы портим лыжню. Вот вставай сюда и иди.
- Мне холодно! Я проваливаюсь!
- Мне тоже холодно. Обернись! Видишь, я тоже по пизду в снегу!
- Тогда зачем мы здесь?
- Остановись.

Вылезли. Сидим на пеньке, курим. Слушаю.
Спорт – это не просто так. Спорт – это преодоление. Спорт – преодоление трудностей. Чем ты больше натрудился – тем ты больше и спортсмен!

- Мы же портим им всё сейчас!
- Молчи! Мы создаём людям трудности. Ломаем лыжню!
- Спорт – это преодоление трудностей. Мы создаём спортсменам трудности. Лыжня – это спорт. Спорт – это трудности. Ты делаешь людям трудности.

- Ты понимаешь, что это сплошь и рядом трудности?
- Заткнись и иди!
- Это даже не мой сын!

- Я всегда любил играть в бадминтон. Почему мы не играем в бадминтон?
- Бадминтон – благородный спорт. Там ссать нельзя. А ты ссышь. Это противостояние стихий – ветер, небо, папины солнечные очки, песок, ура, вжух, снова мимо, зачем тут лежишь...
- Я не понимаю.
- Я тоже.
- А можно вытащить из вены это вот?
- В эту зиму нельзя.

- Он задыхается! Звони!

- Куда?

- В скорую!

- Ноль три?

- Сука, я ненавижу тебя!

- Давай быстрее! Прыгай!

- Мне больно...

- Уже нет!

Она всегда приходила, когда было больно. А тут и правда нет. И она ушла...

- Но это же товарные вагоны, здесь грязно!

- Ну и что?

- А как же лыжня? Мы не допортили.

- Дурачок! Это новая зима. Новая зима – новое важное дело.

ДВА ДНЯ ДО АПРЕЛЯ

«Точка, точка ... вышла рожица кривая... вот и вышел человек!»

Ещё ни на что не способные детские руки старательно выводят на асфальте силуэты. Ещё чуть-чуть – и получится.

Ещё чуть-чуть – и будет похоже.

Ещё чуть-чуть [лет десять] - и эта семилетняя девочка будет колоть обезболивающее таким же, как я. Такими же неуверенными движениями. Ещё бы – позавчера из медучилища.

Извращённый мрачный подтекст наивного детского творчества.

Мелом.

На асфальте.

Силуэты людей.

Жестокая и мудрая до нелепости безжалостная фиксация в подсознании простого факта: не за что держаться,

максимум, что от тебя останется на этих злых улицах –

неровная белая линия, которую, впрочем, скоро затопчут.

Невесёлая обязанность экспертов-криминалистов. Знакомая всем по голливудским фильмам картина – старательный

темнокожий мальчик обводит контуры тела жертвы

недавнего убийства. Контуры ещё теплого тела.

Вышел человек. Вышел за пивом – и не вернулся. Так и

остался лежать на асфальте, ждать своей порции мела.

Последними проблесками сознания ещё надеяться

услышать истерику сирены «скорой». Поделиться последним теплом с руками дежурного врача – ему нужнее.

Много ведь нас таких. На всех может и не хватить...

И не сразу подвыпившая компания обнаружит исчезновение.

«Отряд не заметил потери бойца».

Это могло быть и про меня. Но у меня нет компании.

Очередные бесконечные выходные среди давно умерших любимых неврастеников в плейлисте.

Ещё бы чуть-чуть – и действительно была бы точка. И не сидел бы я на скамеечке с едва уцелевшей пивной бутылкой, обжигаясь окровавленными губами о сколько-то там «оборотов» алкоголя. Не искал бы по карманам мобильник. Не шуршал бы извалявшейся в весеннем снежном месиве нераскрытой целлофановой пачкой.

Рожица действительно скривилась. От боли. И грязная к тому же. Но это полбеда.

На губах кровь. Кожа на правом локте, похоже, содрана до самого мяса. Правым глазом уже сейчас вижу плохо. Ухо...

О, боже, это же мое ухо!

Что-то будет утром?.. Как же всё это нелепо. Ну почему именно я?!

Два дня до апреля – весна! На улице – осенний ветер. Нечто невразумительное капает с неба. Зонт стыдно раскрыть! Скамейка, конечно же, мокрая, но не сидеть мне сейчас просто нельзя.

Ну почему именно я?!

Меня избили подростки. Малолетки. Лет по 15-16. Били умело, на убой. Чтобы не встал, как минимум.

- Смотри, братан! Телефон, как ты хотел! Бери!

- Не! Ты чё? Чужое брать – грех!

Через год-два я буду читать лекции их сверстникам-первокурсникам. Может быть, и им самим. Если их к тому времени всё же не посадят. Я буду входить в аудиторию, улыбаться, здороваться и называть их на «вы». Отвечать на вопросы, выслушивать мнения, старательно вносить свой вклад в воспитание нового поколения каких-нибудь автослесарей, которых зачем-то заставляют вникать в историю литературы. Ставить оценки, расписываться в зачётках. Желать удачи на следующих экзаменах.

А зрение подсознательно будет выискивать эти острые скулы того, кто ударил первым. И в каждом облегчённо выдавливаемом «спасибо-до-свидания» будет слышаться: «Ну чё, лох, понял, кто ты, а кто я?» А за это унижительное чувство чужой мочи на собственном лице, смертельной болью разъедающей рассечённую бровь, я готов тысячи раз бить каждого из них лбом о край унитаза. И ещё об кафельные стены – носом и подбородком. Бить и жалеть о том, что так и не собрался получить разрешение на ношение
травмата.
Уроды... Паскуды. Недоноски!

- Сынок, что с тобой?
- Ничего, бабушка, всё в порядке! Не волнуйтесь, я в норме!
Всё хорошо!

Только дома зеркало, первый раз увидевшее меня таким, недоумённо даст понять, насколько глупо я выглядел, говоря это. Но сейчас гордость не позволяет делать ничего, кроме как невероятными усилиями растягивать разбитое лицо во что-то похожее на улыбку. Выглядит неубедительно, по всей вероятности. Старушка пятится, крестясь. Бормочет что-то
под нос.

Ладно, бабуля, не дрейфы! С людьми и не такое бывало.
Маресьев так вообще без ног полстраны прополз!
Но почему именно я?!

Сознание, воспитанное многомесячными аспирантскими страданиями над первоисточниками «великих мыслителей древности», безудержно рефлексировало по этому поводу. Напыщенные философские банальности разбрызгивают во все стороны серое вещество: «За что мне это? К чему столь гнусное познание жизни?»...
ТЬфу, бля... И вправду – лох!

Встань! Хватит ныть!

Тебе столько лет, что впору говорить «скоро тридцать», а не «за двадцать». А ты изошёлся весь жалостью к себе! Что – жизнь закончилась?

Ну всё могло быть иначе, конечно, не спорю... Но – жив? Жив... Ну? И?

Встань, иди ровно! В конце концов, тот – четвертый – минимум месяц будет хромать. На такие удары под коленку не каждый способен. Гордись, старик!

Да и первому ты от души врезал. Второму вот не досталось ничего... Жаль! Зато третий-то сразу отлетел в сторону, а?!

Уроды! Паскуды!! Недоноски!!!

Нифига! Дождь – он тоже солёный...

«Диггер ты или ниггер... Тинейджер ты или пейджер...

Рэйвер ты или плеер... Мне давным-давно параллельно.

Мне всё по барабану! Мне всё по пистолету...»

И пусть бабуля думает, что ты просто пьян. И сам виноват. И

«нечего пьяными шастать, об скамейки лицами биться»...

Ладно, бабуля, ладно, я всё понял. Простите, пожалуйста! А

это я не кричу, это песни такие странные...

«А ты катись, колесо! Катись, колесо! Катись отсюда! Катись, колесо! Катись отсюда - и всё!»

... два дня до апреля – благодать!...

ДВА А

@@@

- Ааааньк! Слышь, Аньк! – его голос раскатился по всему двору, попрыгал по веткам, разогнал птиц и спикировал прямо в её замёрзшие ушки.

В Москву наконец-то пришла зима. Всё как полагается – снег, гололед. Она даже чуть не поскользнулась от неожиданности, когда он её окликнул. Сердце замерло:

Антон!

- Слышь, Аньк! Это... Слышь, у тебя не будет... это... рублей тыщу на пару дней взаймы? Лёха вон завтра в армию. Мы... это... с пацанами отмечаем... Ну, как бы проводы, всё такое... По-человечески надо пацана проводить...

Он был чуть-чуть пьяненький, запыхавшийся. Бежал за ней [Он! За ней!! Бежал!!!!] через весь двор. Без шапки, ещё в осенних ботиночках. Бежал. Скользил. Два раза чуть не упал. Даже сигарету выронил.

Он стоял перед ней: руки в карманах, чуть ссутулился – ветер. И ждал, не торопил. А она не сразу поняла, чего от неё хотят. Что он её о чём-то просит. Она просто стояла, смотрела, как он бежит к ней. Как вот он стоит перед ней.

Замёрз, зайка. Опять без шарфа. Её Антон.

Они учились в одной школе. Он на год старше. Вообще-то, на два. Но то ли в шестом, то ли в седьмом классе [она точно не знала] он оставался на второй год и поэтому окончил школу только этим летом. Тогда она ещё жила в другом доме. Тогда ещё родители не развелись. Тогда ещё была у них весёлая семья, прогулки в лес на лыжах по выходным зимой, шашлыки на даче летом.

Тогда ещё мама старалась не носить одно и то же пальто две осени подряд, а папа мечтал о новой «Шкоде». И ковырялся, тихонько матерясь, по вечерам в двигателе старенькой «девятки» вместе с дядей Костей – чудаковатым немим старичком из соседнего подъезда. И возил её на Воробьёвы горы, показывал МГУ, говорил:

- Вот, Аньк, расшибусь, но поступишь ты на юрфак после школы. Будешь адвокатом, как эта... Как её?! Ну?! Помнишь, фильм-то смотрели? Веришь, а?

И она верила. Обнимала его за шею и целовала в колючий подбородок. А сердце сжималось и колотилось: «Люб - лю! Люб – лю!! Люб – лю!!!»

Где теперь это всё?..

«Её Антоном» он стал после того, как в прошлом году, на новый год, в школе на дискотеке три раза пригласил её на медленный танец, а потом провожал домой. Смешно рассказывал по секрету, хотя об этом знала вся школа уже много лет, как одноклассники стащили с него трико вместе с трусами, когда он подтягивался на турнике. Обещал свозить весной на поляну, где «расцветают самые-самые первые подснежники». А потом, в подъезде, стесняясь, неловко обнял её – пухлую, в шубе – и мокро поцеловал. Хотел в губы, а получилось – в нос, и она рассмеялась. А он насупился, резко отпустил её, развернулся, буркнул: «Спокойной ночи!» и ушел. А она стояла в подъезде, на этаж ниже, целый час плакала и слушала, как сердце колотится: «Люб – лю! Люб – лю!! Люб – лю!!!»

А сразу после зимних каникул он на заднем дворе, прямо за баскетбольной площадкой, в кровь избил одного её одноклассника, который посмел назвать её шлюхой и сбросил с парты на пол учебники. С тех пор он был «её Антон».

- Аньк! Ну ты чё, а? Слышь, Аньк! Я говорю – у тебя есть
штукарь на пару дней займы?

- А?.. Антошк, ну ты же знаешь, мама меня всегда проверяет,
- неумело врала она, - Ну я даже не знаю...

- Аньк! Малыш, ну я ж тебе отдам! Правда! Вон, видишь, - он
махнул рукой в сторону седьмого подъезда, - пацаны стоят...

Ну Лёха завтра в армию, прикинь? А мы не можем по-
человечески пацана проводить, а?

На самом деле деньги у Ани были. Просто назавтра они с
Маринкой договорились пойти в кино, а потом по магазинам.
А Маринка она такая, с ней расслабляться нельзя. За ней не
угонишься. У нее всегда всё лучше всех. И одежда, и

косметика, и часы, и телефон, и компьютер. Ане всегда было
неловко, когда Маринка платила в кафе больше, чем она. И
поступать Маринка будет на юрфак в МГУ. Так её папа
сказал на родительском собрании, когда возмутился
слабым преподаванием английского.

Зато у Маринки не было Антона. И вообще никого не было.

И тысяча-то не деньги, но не для Аньки. Она уже месяц
специально никуда с Маринкой не ходила, чтоб не
опозориться. Копила, ждала. И вот!.. А тут Антон... Блин...

- Антошк... Ну я не знаю... Тебе очень надо, да?

- Да, Аньк, очень... Солнышко, понимаешь, Лёха завтра в
армию, всё такое, а мы по-человечески пацана проводить не
можем... Прикинь, а?

Аня закусила губу и думала. Сейчас дать Антону денег или
сказать, что с собой нет и зайти домой. Ведь там его можно
поцеловать, когда никто не видит, если бабушка не на кухне.

Тут у Антона запиликал мобильник.

- Бля, - выругался Антон и провёл пальцем по экрану, - Алё?

Чё надо? Бля, ну подожди пять сек, а? – и отключился.

- Аньк, слышь... Ну ты чё? Вон пацаны уже нервничают, а?

Аня решительно взяла его за руку и сказала:

- У меня сейчас с собой нет, пошли домой зайдем.

В лифте она сама его поцеловала. От него пахло пивом и сигаретами, но её это не остановило – дома могло и не получиться. Бабушка всегда её встречала после школы на кухне, волновалась, хотела накормить горяченьким.

- Баб, привет! Антох, погоди, я сейчас! – она, даже не сняв пальто, побежала к себе в комнату. Аккуратно, чтобы он не услышал, расстегнула сумочку, достала кошелек, пересчитала деньги. «Ну и фиг с ними, целее будут! Антон же вернет», - успокоила себя она.

- Аньк, это... Спасибо, - бормотал он в коридоре, - А, это... А у тебя пары тыщ нету, а? А то...

Ну уж нет! Такого позора перед Маринкой её гордость уже не выдержала бы и она твердо сказала:

- Антошк, были бы – дала бы, сейчас нет. Прости, зайчик! – простодушно чмокнула его в нос и открыла дверь.

Так и не раздевшись, она стояла у окна и смотрела, как он бежит по двору. Скользит. В осенних ботиночках. Без шарфа, без шапки. Мёрзнет, зайчик. Её Антон.

А сердце колотилось: «Люб – лю! Люб – лю!! Люб – лю!!!»

@@@

Очень скоро их стали называть «Два А». Антон и Аня. Аня и Антон. Ей это нравилось. Девчонки завидовали, пацаны уважительно сторонились. Даже Маринка стала уделять ей больше внимания.

Аня с удовольствием замечала, как Антон меняется в лучшую сторону. Перестал ходить в грязной обуви, начал бриться каждый день. В компаниях стал одергивать матерящихся мальчишек. А если матерился сам, то строго по делу. Даже курить, кажется, стал меньше.

Он поступил в технический колледж. Хвастался перед ней зачетной книжкой. Мечтал устроиться работать автослесарем. Говорил:

- Знаешь, как мы с тобой, Аньк, заживем! Это ж такие деньжищи!

Это «мы с тобой» просто сводило её с ума. Дыхание перехватывало, а сердце колотилось...

В мае он звал её с собой на рыбалку куда-то на озера, но не пустила мама. Аня сначала обиделась, а потом даже обрадовалась – как здорово будет встретиться после четырех дней разлуки!

Он ввалился с цветами, тортом и даже вином, краснощекий, громко говорил, сгреб её в охапку, поцеловал. Только потом спросил: «Оп, а мама-то дома?»

А мамы не было. Не было и бабушки. Уехали на дачу. Позор – майские уже, а картошка не посажена! Аня отвертелась: живот болит, голова ноет. Мама с сомнением посмотрела на неё, но наверно все поняла, и вредничать не стала.

Они пили вино, он рассказывал, сколько поймал рыбы, и как они застряли и толкали машину, а потом вдруг резко замолчал, поднялся и дерзко поцеловал её. Ей показалось, что закружилась голова. А он уже стаскивал с неё футболку, расстегивал молнию на юбке, начал снимать трусики и...

Уже после они лежали рядом, обнявшись, и она грустила, что все получилось так быстро, за пять минут, она толком ничего и не почувствовала. А через три дня это случилось опять, а через неделю – ещё. Уже по-другому. Не то, чтобы лучше, а... как-то неторопливо, что ли, по-взрослому.

Однажды она спускалась пешком по лестнице, лифт был сломан. Между первым и вторым этажом стояли какие-то парни, курили. Похоже, ждали кого-то. Она торопливо пробежала мимо них, даже не посмотрев.

Они же с интересом разглядывали её. Она уже почти вышла на улицу, но решила вернуться, заглянуть в почтовый ящик.

И услышала, как один из тех спросил у остальных:

- Эту что ли Антоха трахает?

Как это было грубо, мерзко, пошло! Совсем не так, как у них с Антоном на самом деле. Она постаралась забыть это как можно скорее. И не вспоминала, пока однажды не увидела Антона в компании как раз с этими. Оказалось, он учится с ними в колледже. И вроде бы всё ничего. Мало ли дураков на свете? Но она почему-то насторожилась.

А сердце колотилось...

@@@

Денег Антон не отдал. Ни через два дня, ни через неделю, вообще никогда. Сначала она хотела напомнить, но стеснялась, а потом уж как-то и забылось.

А потом – за две недели до Нового года - пришел Александр Николаевич. Точнее, она ещё не знала, кто пришёл, когда побежала открывать дверь. И подумала, что принесли телеграмму. Неужели с тётёй Людой что-то случилось?

Даже не спросила, кто пришел. На пороге стоял невысокий мужчина лет пятидесяти.

- Здравствуйте! Вы – Аня? Саврасова Анна Геннадьевна?

- Д-да, - неуверенно произнесла она, а про себя подумала: «Наверно, что-нибудь по поводу выборов...»

- Меня зовут Александр Николаевич Кириллов. Я из уголовного розыска, - и он показал ей удостоверение, - можно я пройду?

- Да, пожалуйста, а что случилось-то?

- Аня, Вы не переживайте, я просто Вам несколько вопросов задам, хорошо? – перешагнув порог, он начал расстегивать пуговицы пальто. Когда он снял кожаную кепку, Аня не смогла не заметить, что он полностью седой.

Странно было слышать, как взрослый представительный человек обращается к ней на Вы. Но от него веяло каким-то спокойствием и абсолютной уверенностью в себе, и Аня немного успокоилась.

- Конечно. А хотите чаю?

- Если можно, то кофе, - он уже снял пальто, повесил его на вешалку и в нерешительности замер на пороге кухни.

- Аня, Вы знакомы с Антоном Матвеевым?

Аня резко обернулась, держа в руках банку с кофе:

- Что с ним?

- Успокойтесь, Аня, я бы тоже очень хотел знать, что с ним... И Александр Николаевич рассказал ей, что Антон [её Антон!] с друзьями из колледжа [теми самыми друзьями!] уже трижды совершил разбойное вооруженное ограбление на улице. Угрожая пистолетом, они отнимали у одиноких прохожих деньги, часы, мобильные телефоны, кредитные карты – всё, что было у человека с собой. Грабёж неизменно заканчивался зверским избиением. А в последний раз, два дня назад, Антон выстрелил в ногу особо строптивому, но промахнулся – и попал в пах. Этот парень – аспирант Финансовой академии, между прочим, - сегодня утром умер в больнице, не приходя в сознание.

И сегодня же один из потерпевших узнал на фотографии из милицейской картотеки одного из друзей Антона.

Опергруппа немедленно выехала на задержание. Двоих взяли прямо в колледже – они-то всё и рассказали. А Антону и ещё одному его приятелю (всего их было четверо) удалось сбежать.

- Вот так, Аня. Извините за нерадостные новости, -

Александр Николаевич немного помолчал, задумавшись, -

знаете, хочу Вас предупредить... Если вдруг появится

Антон... Мой Вам совет – не нужно его от нас скрывать.

Станете соучастницей фактически. А ему – за совокупность «заслуг» – уже светит немало. Не ломайте себе жизнь. Пока молодая – забудется, переживётся...

Он помолчал.

- Будь осторожна, Анечка. Не открывай дверь, кому попало.
А если что – звони. Вот мои телефоны здесь. Вот этот –
мобильный.

Он встал, прошёл в прихожую, оделся, сам открыл дверь и
вышел. Аня сидела на табуретке, ссутулилась, теребила
руками полотенце, а в голове назойливо вертелась только
одна мысль: «Ну вот, даже кофе не допил. Когда он ещё
пообедает?»

@@@

Закутавшись в плед, Аня стояла у окна и смотрела, как
черная ночная пустота обволакивает их огромный [как пара
футбольных полей] двор. Как бесполезный, омерзительный,
мокрый снег стремительно валится на редких прохожих.

Какой же противной, гадкой, слякотной может быть Москва!

Нет, она не плакала. Зачем?

В комнату вошла мама. Вздохнула. Подошла, обняла,
поцеловала.

- Дочка, может, покушаешь? Бабушка вон даже заснуть не
может. Говорит, девчонка голодная ходит.

- Нет, мамуль, спасибо. Не хочется, правда. Ты иди, ложись.
Не волнуйся, ладно?

- Хорошо, ладно, - еще раз вздохнула. - Спокойной ночи,
Анечка!

- Спокойной ночи, мам!

Аня не плакала. Зачем? Она же знала, что будет дальше.
Скоро, совсем скоро [все-го-то семь месяцев осталось] она
снова станет одной из «двух А».

Она была уверена, что родится мальчик. И назовет она его
Антоном. И будет у парня отец. Трагически погибший ещё до
рождения сына. Отец, которым можно гордиться. Аспирант
Финансовой академии, между прочим.

mkamaleev.ru

(с) Михаил Камалеев
2018